

ПРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Многие наши исторические сочинения сконструированы по модели, которую, пожалуй, лучше всего описать стихами Н. Коржавина:

Был ты видом довольно противен,
Сердцем подл — но не в этом суть:
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь...

Эту модель можно применить к кому угодно — хотя бы к Чингисхану. Был он видом довольно противен, сердцем подл, — но не в этом суть; он приобщил отсталые народы к благам передовой китайской культуры. Поэтому поставим памятник Чингисхану! И такой памятник сооружен (в КНР).

Попробуем посмотреть, как работает модель, спродуманная Коржавиным, на двух академических примерах. Жили-были два императора, один в Индии, другой в Китае — Ашока и Цинь Ши-хуанди. Оба имели перед собой прогрессивную задачу — объединение страны. Ашока с этой задачей не справился. Он поддался ложной жалости, неправильно-му гуманизму. Я хотел бы дать более точную характеристику этому гуманизму, но не могу, потому что в те давние времена еще не было мелкой буржуа-

Текст статьи, подготовленный для журнала «Новый мир» по материалам выступления в Институте философии 3 декабря 1965 г. (Напечатан не был. — Ред.)

эти; иначе я бы, конечно, назвал этот гуманизм мелкобуржуазным. Итак, Апока поддался неправильному гуманизму, не сумел отличить прогрессивных войн от реакционных. Едва завоевав одно царство, он перестал посматривать за границы свои арзии, и вместо них повсюду поплелись буддийские монахи, несшие трудящимся соседних стран реакционный буддийский дурман: «не стнмай чужой жизни, не бери того, что тебе не принадлежит, не лги» — и т. д.

Зато Цинь Ши-хуанди был правильный гуманист. Если враг не сдавался, он его уничтожал; если сдавался, — тоже уничтожал. Впрочем, слова гуманизм — по-китайски это звучит «жэнь» — Цинь Ши-хуанди не любил, и книги, в которых толковалось про «жэнь», велел сжечь, а заодно и все другие книги, кроме трудов по сельскому хозяйству, военному делу, медицине и гадательных книг. А кннгоцев, интеллигентов, толковавших насчет «жэнь», собрали и закопали живыми в землю или подвергли другим позорным казням. Прослойка еще не успела разрастись, и задача Цинь Ши-хуанди оказалась сравнительно простой.

Очистив страну от неправильного гуманизма, Цинь Ши-хуанди объединил Китай и основал единое китайское государство на твердых принципах: за нероносительство — казнь, за донос — повышение по службе или другое поощрение. Были построены великие сооружения древнего Китая, в том числе Великая стена, которая стоит и поныне.

Это великодушное государство обладало только одним недостатком: жить в нем было нельзя. Даже Цинь Ши-хуанди, создатель системы, не выдержал ее. Он заболел профессиональной болезнью прогрессивных деятелей такого типа: манией пресле-

дования. Народ тоже не выдержал. Едва Цинь Ши-хуанди умер, китайцы вышли из состояния столбняка, в который их поверг циньский прогресс, и Эр Ши-хуанди (сын Цинь Ши-хуанди) был свергнут с престола. После нескольких лет смуты воцарилась династия Хань, реабилитировавшая интеллигенцию и интеллигентность. С тех пор китайцы называют себя ханьцами, а китайские императоры в течение 2100 лет стеснялись надевать военный мундир. Только недавно снова вернулась мода на полувойенные куртки.

Цинь Ши-хуанди вовсе не был безграмотным самодуром. Он действовал на основе строго разработанной научной теории. Истоки этой теории, как доказывают некоторые китаеведы, восходят к Мо Ди, выдвинувшему принцип «все для народа» (на этом основании моисты отвергали искусство и науку, непонятные народу). Шан Ян придал теории более строгий характер, заменив расплывчатый термин «народ» более точным — государство. Во имя государства предполагалось разрушить все другие, архаические формы общности — например, семью, чтобы семейные связи не препятствовали верности государю. Хань Фэй написал блестящий трактат, в котором человек в руках правительства приравнивался к куску дерева в руках ремесленника. Этот трактат сохранился, переведен на английский и русский языки. Хань Фэй не сравнивал человека с машиной только потому, что тогда еще не было машин. По существу его можно считать предшественником кибернетики.

Апока и Цинь Ши-хуанди оба были утопистами. Апока — потому что видел в человеке только духовное существо; Цинь Ши-хуанди — потому что видел в человеке только машину, которую мож-

но программировать с помощью наград и казней. Первую утопию, в рамках реакционной схемы, надо, по-видимому, назвать реакционной, а вторую — прогрессивной, потому что Ашока опирался на реакционную религию, а Цинь Ши-хуанди — на передовую научную теорию.

Но вот оба умерли, истлели, и осталась от Цинь Ши-хуанди Великая китайская стена, а от Ашоки — недлиси, выбитые на скалах: Я, царь Ашока, завоевал царство Калингу и убедился, что для этого надо было убить 100 000 человек, и сердце мое содрогнулось...

Я не утверждаю, что не надо строить стен. Но я утверждаю, и совершенно серьезно, что память о сокрушенном сердце Ашоки — тоже вещь, без которой ни один народ не может прожить.

Теоретическая модель, спародированная Коржавиным, основана на двух предположках:

- 1) нравственный облик человека не имеет большого значения; важны только дела;
- 2) прогресс все спешит.

Оба эти предложения ложны. Существует не только преобразование дел, но и преemptивность нравственной информации, без которой не обходится ни одна традиция. Есть преemptивность законов, обезглавленных, расстрелянных, ничего не совершивших и оставивших потомкам только свой облик. Заколотые Гракхи воскресли, через две тысячи лет, во Франции, и их облик, овладев умами, стал силой, когда началась революция. Ни жирондисты, ни якобинцы не установили на земле справедливости. Но обезглавленные тени воскресли в коммунарах 71 года, и тени коммунаров снова поднялись на шум Зимнего дворца. Признав эту преemptивность, советское правительство назвало ли-

нейный корабль Балтийского флота именем «Марат».

Есть такое изречение: Девушка может петь о потеряннй любви, скряга не может петь о потерянных деньгах». Я позволю себе сказать, что ни один народ не может сохранить, если ему не о чем петь. Народы, которым было о чем петь, переносили века угнетения и расееения, снова поднимались и собирались.* А державы, ничего не имевшие за душой, кроме культа воинских доблестей, грубой силы, солдата — после первого поражения рассыпались в прах. Обо всех этих солдатских державах сказано в летописи: «погибоша аки обре (авары), их же несть ни племени, ни наследка».

Перехожу ко второму пункту. Что такое прогресс? Если отбросить оценки, то реальное содержание прогресса дифференциация. Была амёба, дифференцировалась, возник многоклеточный организм. Но вместе с дифференциацией пришла смерть. Амёба в известном смысле бессмертна; она делится на две половинки, и обе половинки продолжают жить (если их не убить). А соматические клетки, отделившиеся от половых — смертны с момента рождения, не могут не умереть. Таким образом прогресс связан с некоторыми утратами.

То же самое в обществе. Прimitивные коллективы удивительно устойчивы, а цивилизации разваливались одна за другой. Поэтому не всякая дифференциация хороша, а только такая, которая не ведет к распаду, к «совместной гибели борющихся».

* Индийская культура существует тысячи лет, почти никогда не достигая политического единства. Духовного единства оказалось достаточным.

классов». Хороша только дифференциация, в ходе которой перестраиваются и обновляются социальные интеграторы (объединяющие воспоминания, идеи, образы, учредения). Всякая дифференциация, всякий прогресс распягивают старые интеграторы. Если их не обновлять, происходит то, что в древности называли падением нравов, а Маркс назвал «отчуждением». Это развитие заслуживает название прогрессивного не более, чем прогрессивный паралич.

Монтень сказал: простые крестьяне — прекрасные люди, и прекрасные люди — философы. Но все зло — от полудоуобразования... Он имел в виду, конечно, нравственную полудоузованность. Крестьянин связан системой табу, мало отличающейся от племенной. Эта система запретов, нравственный опыт коллектива, сохраняет отдельного человека, не способного еще к полной свободе, как нравственное существо. Напротив, фрейдсоф — человек, полный дух (целостность) законов и поэтому свободный от обязательного выполнения отдельных правил. В древности говорили: «Мудрому не нужен закон, у него есть разум». Или, в средневековых терминах: «полюби Бога — и делай, что хочешь» (что хочешь, разумеется, в рамках морального поведения в целом; что хочешь — в частности).

А полудоузованность — это то, что в Библии названо словом Хам. Хам — человек, несколько хвастливый провешения. Настолько, чтобы не бояться нарушить табу. Но не настолько, чтобы своим умом и опытом пойти до нравственных истин.

В XX веке хамство стало очень острой проблемой, и этим мы обязаны прогрессу. Массы крестьян были вырваны из патриархальных условий, в которых держались патриархальные табу, урбанизаци-

рованы. Там, где развитие происходило особенно быстро, в странах Центральной и Восточной Европы, позже всуливших на путь прогресса и торолвившихся догнать и перегнать, рост хамства был особенно грозным. Он поставил под вопрос само существование европейской цивилизации.

В какой мере это было неизбежным? Чтобы пойти к ответу, сравним две соседние страны, Германию и Данию. В обеих формально сохранялась одна и та же система символов, в которой высшие моральные ценности были связаны со словами «Христос», «бессмертие души» и т. п. В обеих странах происходило развитие капитализма. Но в Дании не было социальных катаклизмов и глубже (не шире, но глубже) распространялась культура. Еще во времена Андерсена пастор Грундтфелл учредил первые зимние университеты, в которых крестьян знакомили со всеми богатствами, созданными человеческим умом. И датский крестьянин, переставая быть патриархальным, становился интеллигентным. А в Германии (при содействии социальных катаклизмов, которые всем памятны) возник тип штурмовика.

Когда эти штурмовики оккупировали Данию, фашистская комендантура издала приказ: всем евреям зарегистрироваться и надеть желтые звезды. Стандартный фашистский приказ. Но дальше началась сказка. Король и королева Дании вышли на прогулку, нацепив на себя желтые звезды. Через полчаса их нацепил весь Копенгаген, через несколько часов — вся страна. Гитлеровцам пришлось отменить приказ. А через несколько месяцев, при повторной попытке «окончательного решения», закон-

ных носителей желтых звезд на лодках перебра-
вили в Швецию.

Я думаю, что эта сказка со счастливым концом
неслучайно произошла на родине величайшего ска-
зочника Ганса Христиана Андерсена. Быть может,
именно он подсказал королю и королеве поступить
так, как короли поступают только в сказках, и
народу поступить так, как ведет себя народ в пье-
сах-сказках Евгения Шварца, но, к сожалению,
далеко не всегда в жизни. В Германии, по-видимому,
детей воспитывали немного иначе, чем в Дании.
Это — та бабочка Бредбери, на которую второпях
наступили. Я не утверждаю, что не было других
причин благородного поведения датчан и неблаго-
родного поведения немцев; но все же, посетив Да-
нию, я положил бы цветы на могилу Ганса Хрис-
тиана...

Таким образом, мы приходим к выводу, что не
всякий прогресс хорош — не всякий прогресс «про-
грессивен». Прусский путь развития капитализма
оказался достаточно скверным (это, как все помнят,
говорил еще Ленин). И теперь, опираясь на сказан-
ное, попробуем оценить, все ли пути социализма
хороши? Наилучшим ли возможным путем разви-
тия социализма вел нашу страну Сталин? Был ли
Сталин прогрессивным деятелем? И куда нас влечет
его тень, его облик?

* Интересно рассмотреть, с этой точки зрения,
формы окончательного решения аграрного вопроса,
применявшиеся Мао Цзе-дуном в начале 30-х гг.:
семьи помещиков уничтожались полностью, чтобы
не оставалось наследников. См. А. Смедли, Расска-
зы о китайской Красной Армии. М., 1935.

Чтобы ответить на вопрос, надо его правильно
поставить. Надо ясно различать мандат, который
деятель не может не выполнять, и его личный
вклад. Сталин получил власть на известных усло-
виях и, пока он не превратил свою власть в абсо-
лютную, не мог ими пренебрегать. Он не мог не
проводить индустриализацию, кооперацию сельского
хозяйства, не мог не руководить международным
рабочим движением, не мог не заботиться об обо-
роне страны. Любой другой деятель, избранный ге-
неральным секретарем, решал бы те же задачи. По-
этому важно не то, что Сталин делал, а как он это
делал. При такой постановке вопроса, в актив Ста-
лина можно поставить только индустриализацию
(и то с известными оговорками).* Все остальное —
пассив.

Ленинский план постепенной кооперации сельско-
го хозяйства, утвержденных съездами, Сталин вне-
запно, произвольно заменил приказом проводить
сплошную коллективизацию. Таким образом, во-
преки сопротивлению многих честных коммунистов
(в частности, Постышева), была искусственно созда-
на ситуация, требовавшая массового применения ре-
прессий против крестьян. «Великий перелом» не
слишком сильно отличался, в этом отношении, от
китайского «большого скачка». В обоих случаях
идея кооперации, коллективизации была скомпро-
метирована, воля крестьян к труду пришла в уча-
док, и пришлось посылать людей из города убирать
урожай.

* Известные экономические успехи были дости-
нуты ценою опасного роста внешнеэкономического при-
нуждения, нанесившего ущерб основе производи-
тельных сил, рабочей силе, — воле человека к
труду.

Далее, в руководстве международным рабочим движением Сталин начекивал коммунистов на борьбу до последнего вдоха с социал-демократами (их называли по-сталински «социал-фашистами»).

Это исключало возможность единого фронта против Гитлера. В иностранной коммунистической партии высказывались мнения, что такая политика расчистила Гитлеру дорогу к власти. Есть сторонники высказанной точки зрения и среди советских историков. Следовало бы ее серьезно обсудить.

Внутри страны, под предлогом борьбы с пятой колонной, Сталин спровоцировал события, вызвавшие совершенно чудовищную, катастрофическую волну репрессий (1934-1939). Оборона страны не только не была укреплена, но она положительно была расшатана и дезорганизована. (Об этом хорошо рассказано в недавно вышедшей книге Некрича «1941 год».) Экономическое развитие страны было задержано, армия обезглавлена накануне боев. Культура понесла утраты, которые просто невозможно учесть.*

Задача культурной революции, которую Ленин

* Масштаб репрессий 1934-1939 гг. — одна из загадок истории. Можно допустить, что Сталин, после голода на Кубани и в Украине, не имел выбора, и либо должен был уйти с поста, либо — подавить возможность какой бы то ни было критики. Но даже с этой точки зрения, хватало бы одной десятой части произведенных арестов, пыток и расстрелов. То, что случилось, выходит за рамки какого бы то ни было трезвого человеческого расчета, даже злодейского. Возникает впечатление, что процесс, вызвавший из-под контроля, руководил теми, кто вообще ражал, что руководит им.

считал одной из важнейших, в целом была совершенно извращена. Распространение элементарной грамотности и технических знаний сопровождалось нравственным растлением в обстановке травли честных людей, доносов, поджигания*, подавления самых элементарных человеческих чувств. Тысячи раз разыгрывалась трагедия Антигоны, которой Креонт запрещал хоронить брата, под хор молчаливых, шептавших: моя хата с краю, я ничего не знаю... А в лагерях воры воспитывали честных людей в духе своей морали: «Умри сегодня — я умру завтра».

* Этот разгром культуры был завершен в 40-е годы под лозунгом борьбы с космополитизмом. Русская культура — одна из самых отзывчивых на свете — впервые после Петра была замкнута в собственной скорлупе. Национальное чванство стало нормой. Нарушения этой нормы карались (1949-1953).

Несмотря на все, народы нашей страны сохранили человеческий облик; несмотря на чудовищные условия, даже в лагерях остались такие люди, как Иван Денисович. Даже в 30-е и 40-е годы создавались хорошие стихи и проза, писалась музыка Шостаковича и Прокофьева. Но характер Ивана Денисовича или музыку Шостаковича нельзя считать заслугой Сталина.

Таким образом, ленинский мандат выполнен Сталиным примерно так же, как Мефистофель выполнял наказ Фауста переселить Филемона и Бавкиду**.

* Достаточно вспомнить о деятельности Презента и Лысенко.

** Гёте «Фауст», ч. 2, акт 5.

Дело, однако, не только в этом. Кроме писаного мандата Программы партии — Сталин прислушивался к неписаным мандагам, носившимся в воздухе. И по мере того, как он укреплял свою власть, эти неписанные мандаты играли все большую и большую роль в его деятельности.

Прежде всего, это мандат того, что Ленин назвал «заягичиной». Вы помните, наверное, статью «Памяти графа Гейдена»², раб не виноват, что не ходит в рабстве. Но раб, который жить не может без хозяйина, это холуй и холоп. Века татарщины и крепостного права оставили достаточно внушительную традицию холуйства и хамства. Революция поколебала ее, — но, с другой стороны, революция вывернула с насиженных мест массы крестьян, потеревших старые устои и не очень усвоивших новую идеологию. Эти массы вовсе не хотели углубления и упрочнения свободы, да и не понимали, к чему она — свобода личности. Они хотели хозяйина и порядка. Таков сталинский мандат № 2.

Третий мандат — это мандат обезглавленной религии. Мужик верил в Бога, и в образах Спаса или Казанской Божьей Матери находил предмет любви и бескорыстного преклонения (корыстные истинны религиозного чувства я склонен отнести к мандату № 2). Мужики объяснили, что Бога нет, но это не упрядило религиозного чувства. И Сталин дал трудящимся бога, земного бога, о котором невозможно сказать, что его нет. Он был, был в Кремле, изредка показывался на трибуне и помахивал рукой. Он неусыпно заботился о том, чтобы волос не упал с трудящейся головы. Он был лучшим другом железнодорожников, физкультурников и ба-лерин...

Бессознательно-религиозное чувство, давшее Сталину мандат № 3, само по себе было чистым. Можно иллюстрировать его стихами Твардовского, опубликованными после смерти Сталина. Но лучше всего это высказывали дети:

И маленькая девочка,
Танцую и пою.
И Сталина не видела.
Но я его люблю.

Слово «Сталин» здесь легко заменить любым другим символом всеблагого, всемогущего, всеведущаго существа, источника всех совершенств — или, как тогда говорили, вдохновителя наших побед. Изменяется только размер.

Каким образом Сталин мог осуществлять три таких разных мандата одновременно? Для этого, конечно, нужен был талант, особый талант. На языке Сталина этот талант назывался двурушничеством.

И. В. Сталин любил себя сравнивать с коронованными особами — с Петром Великим, Иваном Грозным. Поэтому сравним его — в его же вкусе — с Наполеоном. Все, вероятно, помнит лаконичную характеристику:

Мягекной вольности наследник и убийца...

Такое сравнение, конечно, не является ни исчерпывающим, ни точным. Я позволю себе провести еще одно сравнение, также не исчерпывающее и нежное, снижающее сравнение, с некоронованным деятелем — Азефом. Азеф был руководителем Боевой организации эсеровской партии и агентом тайной полиции. В качестве эсера он организовал

казнь своего прямого начальника по полицейской работе, министра внутренних дел фон Пилеве. Под руководством Азефа успешно были проведены и другие террористические акты.

Примитивный пример дает известный подход — модель подхода — к бесконечно более сложному вопросу об оценке личности Сталина. Азеф совершил дела, которые могли бы рассматриваться как заслуги перед революцией — или, по крайней мере, перед эсеровской партией. Но у провокатора нет заслуг. Поэтому вопрос, применительно к Сталину, можно сформулировать так: был ли Сталин когда-нибудь не только идейно (то есть на словах), но нравственно, всем существом, на уровне движения, к которому примкнул? Тогда — и в этот период — у него могли быть известные заслуги. Или верно то, что написал Ленин в своем завещании, и Сталин — нравственно чужеродное тело в руководстве партии? Тогда он просто занял и удерживал, с помощью интриг и террора, место, принадлежавшее более достойному. Тогда в целом он принёс вред, хотя в отдельных частных случаях мог принимать верные решения.

Очень любопытно проанализировать завещание Ленина и то, как полемизировал с этим завещанием Сталин. Смысл завещания ясен. Сталин как человек совершенно не годится в руководители. Его надо заменить. Можно заменить его какими-то. У каждого из них есть свои недостатки, свои (неслучайные) ошибки. Надо подумать, кого выбрать.

Ленин ничего не говорит об идеальных ошибках Сталина — не потому, что их не было. Они были. Но сравнительно с кардинальным фактом нравственной непригодности это не имело значения. И

Сталин ловит Ленина на слове. Он цитирует завещание: «Ошибки Зиновьева и Каменева... не случайны так же, как небольшевизм Троцкого», а против Сталина политических обвинений нет, только характер, дескать, плохой.* Иначе говоря, И. В. Сталин сам о себе рассудил по Н. Коржавину:

Был я видом довольно противен,
Сердцем подл — но не в этом суть...

Почему такие аргументы убедили делегатов съезда? Потому что точка зрения Ленина была новой и непривычной.

Принято было считать, что подлинный революционер по самой своей природе — существо бесконечно более нравственное, чем обыватели, рассуждающие о Боге и добре — и пресмыкающиеся перед властью. Поэтому нравственные недостатки революционера мыслились как второстепенные и поверхностные черты его личности. Ленин впервые резко указал на особый социально-психологический тип «повара, любящего острые блюда», любителя острых ощущений, любителя экспроприаций, террора и т. п. ради них самих. Такой тип не был совершенно нов. Он попадается в революционных движениях систематически, рядом с типом подлинного революционера (страстного борца за справедливость). Но пока революционная партия в подполье, пока, борьба требует самоотверженности и обещает только казнь или казнь, общий нравственный уровень революционера настолько высок, что «повара,

* См. сборник статей Сталина «Об оппозиции», М. 1927.

любящего острые блюда» можно просто игнорировать. Только когда революция побеждает, положение меняется; в состав организации, осуществляющей революционное насилие, неизбежно попадают люди самого различного нравственного уровня. Ярдом с Робеспьером оказывается Фукье-Тенвиль, ярдом с Орджоникидзе — Берия. Опираясь на людей второго сорта, «повар, любящий острые блюда» может стать на время хозяином положения.

Опасность была новой, непривычной, неожиданной, и делегаты съезда оказались в плену инерции — придавать значение только идейным различиям, игнорировать «мелкие» нравственные различия. За свою ошибку они заплатили жизнью. Почти все, голосовавшие за Сталина, погибли в сталинских тюрьмах.

Перехожу к следующему: куда нас влечет тень Сталина? Некоторые товарищи находятся под впечатлением воспоминаний молодости, когда вставали под кинжальным огнем пулеметов и со словами «За родину, за Сталина!» — поднимали солдат. Им кажется, что лозунг «За Сталина» и сейчас значит то же, что он значил тогда, — скажем, в 1943 году.

В 1943 году я сам кричал «За родину, за Сталина!» В 1943 году «За Сталина» означало «против Гитлера». История не дала нам лучшего выбора. Целое поколение оказалось в положении Кандида, которому офицер велел выбирать: повешение или пройти сквозь строй. Сколько Кандид ни возражал, что ни тот, ни другой вариант не отвечает его свободному выбору, офицер остался непреклонен. В жизни это было совсем не смешно. В 1987 году — рассказыывает в своих мемуарах Эренбург — Николай Иванович Бухарин самовольно выехал в Париж, побро-

дил несколько дней по улицам — и, ничего никому не сказав, вернулся в Москву (примерно понимая, что его ждет). Он не мог остаться. Логика борьбы заставила бы его тогда обличать Сталина (Сталин уже успел мертвой хваткой вцепиться во власть) и бить по советской системе. А советская система почти неизбежно должна была столкнуться с фазисмом. Не потому, что Сталин не любил Гитлера, — он, может быть, испытывал какое-то странное влечение к Гитлеру (до 1941 года*) — но по логике самой системы, более сильной, чем воля Сталина. И нельзя было производить хирургические операции, бить по советской системе, хотя бы для того, чтобы выключить ее, перед лицом Гитлера. И Бухарин вынужден был молчать — а потом и говорить...

Так было четверть века тому назад. Но сейчас «за Сталина» вовсе не значит «против Гитлера», «против фашизма». Гитлер капут, а Сталин умер и разоблачен. Хорошо это или плохо — разоблаченный кумир нельзя снова облачить. Можно издать какое-нибудь постановление, но оно будет не более действительным, чем резолюция Николая I на жалобе помещика, дочь которого самовольно вышла замуж: «брак расторгнуть, уродженную такую-то считать девицей». Сталин, оказавшийся деспотом и убийцей, не может снова стать достойным уважением — не говоря уже о любви.

Восстановить уважение к Сталину, зная, что он делал, — значит установить нечто новое, установить

* В отношении Сталина к Гитлеру был какой-то заскок. Сталину не хотелось верить в вероломство Гитлера. См. книгу Некрича.

уважение к доносам, пыткам и казням. Это даже Сталину не пытался сделать. Он предпочитал лицемерить.

Восстановить уважение к Сталину — значит установить около нашего знамени нравственного урожая. Этого еще никогда не было. Делались мерзости, но знамя оставалось чистым. На нем было написано: «Ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Около знамени стояли и стоят в нашем представлении Маркс, Энгельс, Ленин — люди, у которых были человеческие слабости, но люди. О всех них можно сказать словами любимой потоворки Маркса: «И человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Сталина нельзя больше ставить рядом с ними. Это значит испачкать грязью свое знамя.

Надо суметь отделить знак антифашистской войны, Сталина, от ее значения. Подвиг народа в Отечественной войну 1812 года не стал менее значительным от того, что во главе государства стоял «плешивый щеголь, враг труда, нечаянно припретный слабой...» И подвиг народа в великой войне с фашизмом не станет менее значительным от того, что во главе государства оказался Сталин.

Некоторых пугает угроза нигилизма, идеологический вакуум. Но доморощенные культы неспособны заполнить вакуум. Они распадаются, как картонные домики.

Одна из важнейших причин «вакуума» — столкновение религиозного и научного мировоззрения. Тысячелетний нравственный багаж человечества был закодирован в форме, которая называется «мировыми религиями». Научное мировоззрение распатало мировые религии, но оно не могло с ходу создать об-

разы нравственной цельности и красоты, сравнимые с Буддой или Христом. Это вообще, по-видимому, задача не науки, а поэзии, и процесс, не поддающийся управлению, процесс очень длительный, вековой и даже, может быть, многовековой. Поэтому от красновардской атаки на религию мировое коммунистическое движение уже фактически перешло, под влиянием событий, к другой форме контактов с религией, к диалогу (о котором довольно много пишут в «Проблемах мира и социализма»). Мне кажется, что диалог с мировыми культурами, в активе которых — искусство Баха, Рублева, Данте — более достойный путь, чем восстановление культа деспота и убийцы. В ходе диалога следует искать своего рода единого фронта культуры против «культура» всех оттенков, против логики, ведущей человечество в пропасть, за превращение нынешних полубразованных масс в подлинно интеллигентные народы. Настоящая, глубокая культура, настоящая интеллигентность — единственный выход из современного «вакуума».

Я не пытаюсь здесь исчерпать или хотя бы перечислить проблемы, стоящие перед нашей страной. Решение этих проблем требует совместных и по возможности организованных усилий экономистов, социологов, семиотиков, педагогов и т. п. Но прежде всего нужен нравственный сдвиг. Нужно возрождение самой элементарной (низшей, по мнению Платона) добродетели — мужества. Мужества общественной мысли. Того, что разрушил Сталин.

1965